

Замѣтка по поводу изданія народныхъ сказокъ.

Въ виду предполагаемаго изданія народныхъ русскихъ сказокъ считаю не лишнимъ представить Отдѣленію Этнографіи нѣсколько своихъ соображеній, ограничившись на этотъ разъ лишь практическими вопросами осуществленія столь желательнаго предпріятія: насколько оно своевременно и слѣдуетъ ли ограничиваться лишь перепечаткою превосходнаго собранія Афанасьева съ дополненіемъ имѣющагося въ архивѣ Общества неизданнаго матеріала.

Первый вопросъ, при всей очевидной простотѣ своего разрѣшенія, получилъ въ настоящее время особенно важное, можно сказать—роковое значеніе. Съ обновленіемъ жизни русскаго народа послѣ великой реформы 19 февраля 1861 года, со всѣми зависящими отъ нея послѣдствіями,—и въ области этнографіи на нашей недолгой памяти произошли крупныя перемѣны. Съ крупнымъ переворотомъ въ экономической жизни, многое уже исчезло безъ слѣда съ быстротою вѣшняго снѣга, и во всякомъ случаѣ главнѣйшимъ образомъ значительно сократились мѣста, не такъ давно представлявшія обильные матеріалы для наблюденій. Быстрое развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, шедшее объ руку съ ослабленіемъ паспортныхъ сношеній, облегчивъ сношенія и связи деревни съ городомъ, содѣйствовало примѣтному исчезновенію тѣхъ захолустій, гдѣ ревниво сберегалась старина и куда теперь, открылся удобный путь свѣжимъ вѣяніямъ и свободный доступъ всякой соблазнительной новизнѣ. Къ настоящему времени разнообразныхъ перемѣнъ стараго на новое накопилось такъ много, что требуются уже самостоятельныя изслѣдованія, общая совершенно иныя этнографическія данныя при утратѣ тѣхъ, которыя сберегались вѣками и были на нашей памяти. Съ особенною очевидностью выразились эти перемѣны въ покроѣ крестьянской одежды, въ виду быстрого распространенія швейныхъ машинъ именно въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и благодаря поразительному развитію торговли готовымъ платьемъ, бросающееся въ глаза на каждомъ шагѣ въ обѣихъ столицахъ, а на нижегородской ярмаркѣ успѣвшей теперь занять одно изъ первенствующихъ мѣстъ среди самыхъ важныхъ и бойкихъ разновидностей торговли.

Я уже имѣлъ случай (въ сборникѣ «XXV лѣтъ» изданія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ) съ достаточною подробностью указать на эти перемѣны въ одеждѣ, ограничившись даже лишь однимъ головнымъ уборомъ и указавши на исчезновеніе этого этнографическаго признака, который позволялъ разбираться, подобно нарѣчіямъ и говорамъ, въ принадлежности данныхъ лицъ къ извѣстной мѣстности. Городской щеголь картузь или фуражка съ лакированнымъ козыркомъ и ремешкомъ, изгнавшій поярковую шляпу въ разнообразіи ея 15—17 фасоновъ, развилъ, возродивъ на новыхъ мѣстахъ, фуражное производство, и убилъ шляпное тамъ, гдѣ (какъ въ Семеновскомъ и Макарьев. уѣздѣ Нижегород. губ.) оно было исконнымъ промысломъ. Здѣсь теперь начали увѣреннѣе «окладывать» благодѣшные валеные сапоги, чѣмъ «заваривать» коварныя шляпы, покорившіяся легкомысленной модѣ. Объ нихъ приходится вспоминать какъ разъ въ то время, когда «канфетки» и «стрѣлочки» изгнали коренную и родную народную пѣсню.

Вообще мы переживаемъ то боевое время, когда и наблюденіями слѣдуетъ поспѣшивать, и составленіемъ всякихъ этнографическихъ музеевъ и сборниковъ поторапливаться.

Та же опасность утратъ съ явными признаками надвигающихся бѣдъ отъ перемѣнъ въ экономическомъ и разложенія въ бытовомъ строѣ народной жизни предчувствуется и въ томъ вопросѣ, который вызвалъ настоящую замѣтку. Такъ, между прочимъ, указъ 19 февраля разогналъ барской дворню и въ томъ числѣ добрыхотныхъ сказочницъ—старушекъ—янекъ, воспитывавшихъ отъ 2-хъ до 3-хъ поколѣній и убаюкивавшихъ дѣтей дворянскаго сословія обязательно русскими крестьянскими сказками. Живой образъ этихъ милыхъ и простодушныхъ хранительницъ и защитницъ дѣтства скоро сохранится лишь въ одномъ томъ образѣ, который начерталъ намъ величайшій поэтъ, благодарно вспомянувшій подругу своихъ суровыхъ дней—дряхлую старушку Арину Тимофеевну. Она подсказала ему мотивы тѣхъ шести чудесныхъ сказокъ, которыя будутъ заучиваться всею Русью, пока она не перестанетъ крѣпиться на своихъ могучихъ корняхъ, питаясь соками родной почвы.

Съ другой стороны, съ исчезновеніемъ помѣщичьей дворни, несомнѣнно въ скоромъ времени исчезнетъ изъ памяти тотъ отдѣлъ сказокъ, который порожденъ былъ именно крѣпостной неволей. Въ нихъ, съ добродушнымъ юморомъ, ставили барина въ забавныя положенія, подсмѣиваясь надъ простотой и ненаходчивостью и иными недостатками, подмѣченными въ этихъ сытыхъ и самодовольныхъ людяхъ до эротическихъ наклонностей включительно. Рѣдко въ сказкахъ этого рода прорывалось озлобленное чувство,

вызванное тяжелымъ крѣпостнымъ гнетомъ и всякими неправдами, но мстительная насмѣшка всегда и обязательно въ нихъ присутствовала. Больше характерныя изъ этихъ сказокъ-памфлетовъ, подобно сказкѣ о баринѣ Кантѣевѣ, неудобны для печати. Кроме того, есть много основаній предполагать, что всѣ таковыя въ незлобивомъ сердцѣ добраго, многотерпѣливаго и все прощающаго народа нашего не удержатся теперь, когда, въ теченіе этихъ 36 лѣтъ, выросло новое поколѣніе, не знавшее крѣпостнаго ярма, равнодушное къ способамъ его бывшихъ приспособленій и безучастное къ испытаннымъ отцами и дѣдами мученіямъ. По человѣчеству (какъ выражаются грамотѣи)—можно забыть, а по христіански—и вовсе простить.

На невинныя, пригодныя для печати сказки во всѣхъ ихъ формахъ: житейскихъ, богатырскихъ, балагурныхъ и т. под., въ средѣ народа выработался, на мѣсто отжившихъ свой вѣкъ скомороховъ,—особый классъ хранителей и распространителей ея въ тѣхъ деревенскихъ бродячихъ ремесленникахъ, которые извѣстны подъ именемъ швцовъ. Но и въ ихъ среду начинаетъ пробиваться новая свѣжая струя, способная своимъ холодкомъ знобить и мерзвѣть, хотя и медленно, но вѣрно. Ловкія торговыя фирмы, въ родѣ какого-нибудь Мандля съ Невского проспекта у Полицейскаго моста, разузнали тѣ мѣстности, какъ напр. большое село Порздня (Юрьев. уѣзда Костр. губ.), гдѣ группируются ремесленники этого рода, послали сюда цѣлыя сотни швейныхъ машинъ и при нихъ матеріалъ и выкройки. Машины, полученные въ кредитъ, работая за невѣроятно ничтожную плату со штуки, въ то же время окупаютъ себя; бродячихъ мастеровъ онѣ плотно усадили на мѣсто, сдѣлали ихъ осядлыми, стукомъ своимъ заставляли примолкнуть пѣсню и превратить сказки, а въ то же время кстати и всѣхъ переодѣли въ дешевый спинжакъ, въ подходящее по цѣнѣ женское пальто самаго новѣйшаго моднаго покрою.

Однако, несмотря на появленіе этихъ еврейскихъ мастерскихъ, случайно ворвавшихся въ область этнографическихъ наблюденій непрошенными преобразователями, еще далеко не все погибло. Напр., дубленый полшубокъ и нагольный тулупъ не настолько покладливы, чтобы скроенныя и прилаженные для нихъ овчинки могли укладываться на поддонокъ машинки и подаваться хрупкой иглѣ американскаго издѣлія, а не той, крѣпкой, какъ шило, къ которой издревле преспособилась тяжелая рука деревенскаго мастера. На этихъ рукахъ во всякомъ случаѣ еще многое осталось, включительно до наложенія крупныхъ заплатъ на поношенную рухлядь, удобную для починокъ. Еще держатся за швцовъ, и ихъ ручной трудъ поощряютъ свои люди въ насиженныхъ ими мѣстахъ. Здѣсь, натруживая грудь и спину и подвернувши

подъ себя ноги калачемъ по восточному образцу, ведутъ они свою безшумную и скучную работу, располагающую къ задумчивости, порождающую въ пожилыхъ людяхъ привычку къ самоуглубленію, какъ въ олонекскихъ сказителяхъ, и въ томъ тамбовскомъ швецѣ Семенѣ Матвѣевѣ Укленѣ, который считается основателемъ и распространителемъ въ Моршанскомъ уѣздѣ и далѣе моложавской раскольничьей секты. Съ другой стороны налаженная деревенская привычка, какъ вѣковой обычай, требуетъ отъ молодыхъ швцовъ подспорья работъ пѣснями и подмоги коротать докучное осеннее время длинными-предлинными сказками, мудреными загадками и веселыми прибаутками. Пока не завелись еще въ избахъ грамотѣи съ книжками, для сказокъ не только просторъ, но и раздолье. Въ тѣхъ семьяхъ, для которыхъ открывается возможность шить изъ домашнихъ овчинъ полушубки и осень не утратила своего хвалебнаго прозвища «богатой», это время года—самое подходящее. Всѣ теперь на отдыхѣ съ привычными въ рукахъ работами расположены, бодрясь и подремывая, сидя и лежа, охотливо слушать до поздняго вечера. На улицѣ темень хоть глазъ выколи, въ окна бьетъ съ неустаннымъ озлобленіемъ косої дождикъ,—добрый хозяинъ собаки не выпуститъ—въ трубѣ воетъ вѣтеръ, а въ избѣ тепло и уютно и на сердцѣ покойно, пока еще не съѣденъ свой хлѣбецъ и можно имъ покормить захожихъ рабочихъ, досужихъ сказочниковъ, веселыхъ ребятъ.

Въ такой именно обстановкѣ напечатлѣлись въ моей отроческой памяти картины деревенской жизни, оживленные приходомъ швцовъ изъ-подъ Галича, когда на самыхъ первыхъ порахъ литературныхъ работъ, по увлеченію требованіями того времени, третьимъ разсказомъ изъ крестьянскаго быта привелось написать именно про этихъ самыхъ швцовъ. Тогда уже они, по свѣжимъ впечатлѣніямъ, непосредственно воспринятымъ въ дѣтствѣ, выдѣлились, какъ присяжные сказочники и веселые люди, отъ которыхъ привелось услышать и первыя загадки и острыя прибаутки; сказки, смѣшныя и страшныя, тянулись безконечной вереницей, у хорошаго сказочника слова такъ и нанизывались, какъ бисеръ. Впослѣдствіи при дальнѣйшихъ наблюденіяхъ народной жизни въ многократныхъ поѣздкахъ довелось укрѣпиться въ убѣжденіи, что сказка сдѣлалась неотъемлемою и обязательною принадлежностью самаго ремесла. Къ тому-же выводу привели и вчерашнія кабинетныя справки по подручнымъ печатнымъ источникамъ.

Павелъ Николасвичъ Рыбниковъ, задумавшій собирать олонекія былины, гонялся, какъ за краснымъ звѣромъ, за расхваленнымъ ему сназителемъ Бытылкой (онъ же Чиковъ), который былъ крестьянскимъ портнымъ, и въ обязательныхъ переходахъ для шитья съ мѣста на мѣсто, былъ неуловимъ. Александру Федоровичу Гильфердингу въ числѣ сказителей, распѣвавшихъ бы-

лины, попалось шесть швцовъ, и между ними Титъ Калининъ, со словъ котораго онъ записалъ 20 былинъ и свидѣтельствовалъ, что Калининъ еще мальчишкой и молодымъ человѣкомъ много ходилъ по деревнямъ въ окрестностяхъ Шуньи и Толвуя для портняжныхъ работъ. Когда бросилъ ремесло и всталъ на крестьянство, многія былины забылъ, но помнилъ множество длинныхъ сказокъ. Другой сказитель Куриковъ сообщилъ изъ былинъ только двѣ, но предлагалъ сколько угодно сказокъ и прибаутокъ. На послѣднія очень гордымъ оказался Корсаковъ — тоже швецъ, котораго Гильфердингъ охарактеризовалъ такими словами: «необыкновенный весельчакъ, юмористъ, мастеръ пѣть лихія и скоромныя пѣсни; большой охотникъ погулять». Онъ служилъ запѣвалой и вожакомъ молодежи на деревенскихъ праздникахъ. Былины стоили у него на второй планъ: «онъ забылъ большую часть тѣхъ, которыя пѣвалъ въ прежнее время», но, конечно, не забылъ сказокъ (прибавлю я отъ себя). Оба эти вида произведеній народного творчества находятся въ тѣсной связи и хранятся рядомъ, но съ полнымъ сознаніемъ разницы: сказка—складка, сочиненію по готовой канвѣ, требуетъ присказку, любитъ вставныя, вызывающія смѣхъ прибаутки, оживляющія рассказъ, складныя «поговорки». Напримѣръ, былина—пѣсенная досельная старина—быль изъ временъ далекаго прошлаго, когда водились на Руси славные могучіе богатыри, сложившаяся въ строгій ритмическій пѣсенный рассказъ, вызываетъ особенное напряженіе памяти, не допускаетъ иныхъ вставокъ, кромѣ тѣхъ, которыя пособляютъ сохраненію стройнаго стихотворнаго размѣра складу и ладу, и безусловно требуя уваженія ко всякому слову и въ особенности мѣткому эпитету. За сказками, стало быть, то существенное преимущество, что онѣ будучи, свободными отъ путъ размѣра и, на вольномъ просторѣ пересказа, берегаются памятью легче и цѣльнѣе. Запись сказокъ общасть громадный успѣхъ и въ рукахъ охотныхъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей можетъ превзойти всякія смѣлыя ожиданія, едва-ли даже посильныя одному человѣку. Не даромъ обѣгали эту работу всѣ собиратели перловъ народного творчества. Рыбниковъ, напр., записалъ только двѣ, но изъ нихъ одну объ Олешѣ Голопузомъ—пародію на богатырей сообщилъ ему Барсовъ.

Старуха съ Топозера, распѣвавшая мнѣ былины въ деревушкѣ Поньгамѣ на берегу Вѣлаго моря, послѣ отдыха, разогрѣвшись моимъ чаемъ изъ своей чашки,—заслала квартирную хозяйку просить моей милости дозволить ей перейти на сказки.

Жалобится: нудно ей въ ладъ попадать. Сказываетъ, что память у ней стала какъ рѣшето. А на сказки-то она и впрямъ лютая; онѣ что рѣки изъ нея,

Отъ Поньгамской старухи я успѣлъ записать пять сказокъ: прибавилъ къ нимъ еще десятокъ въ Холмогорахъ, уступленный смотрителемъ уѣзднаго училища, и весь этотъ сборничекъ вручилъ Якушкину для передачи Ал. Ник. Афанасьеву. Павелъ Ивановичъ, бродившій по деревнямъ за пѣснями апостольскимъ способомъ съ узелкомъ, въ которомъ хранилась вся его наличная подвижность,—узелкомъ этимъ соблазнилъ въ вагонѣ Николаевской дороги недоброго сосѣда, который и износилъ обѣ его запасныя рубахи, а мой сборникъ и его замѣтки на клочкахъ искурилъ въ цыгаркахъ. О подобномъ же случаѣ свидѣлствуетъ неизвѣстный авторъ въ журнальчикѣ «Трудъ», разсылаемомъ прибавленіемъ ко «Всемирной Иллюстраціи» (1890 г. т. VI № 8), но этотъ рассказъ требуетъ нѣкоторой поправки, вынуждая остановиться для одной привходящей сюда замѣтки.

За десять лѣтъ до Рыбникова занимался въ Олонецкомъ краѣ собираніемъ матеріаловъ пѣсеннаго народнаго творчества съ не менѣе замѣчательнымъ успѣхомъ нѣкто Баласогло. По крайней случайности онъ также, какъ Рыбниковъ—истинный піонеръ этого дѣла въ той мѣстности (сѣверо-восточной части губерніи, въ Заонѣжьѣ), которую справедливо почитаютъ сокровищницей эпической поэзіи, былъ сосланъ сюда и также принятъ былъ на службу въ должность чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ (Писаревѣ). Сосланъ былъ по несчастному, намѣренно раздутому подъ вліяніемъ бюрократическихъ интригъ, такъ называемому политическому дѣлу Баташевича-Петрашевскаго, и былъ человѣкомъ выдающихся способностей и широкаго образованія. Онъ успѣлъ сдѣлаться извѣстнымъ оригинальнымъ трудомъ-брошюрой, подъ заглавіемъ «Буква Ѣ», въ которой обстоятельно собраны были все слова, начинающіяся съ этой буквы, а равно и тѣ, въ которыхъ она обязательна. Брошюра пользовалась, въ свое время, большою извѣстностью, не забыта и до сихъ поръ. Несчастный Баласогло испытаній ссылкой не выдержалъ,—сошелъ съ ума, но успѣвъ оставить крупныя слѣды работъ, исполненныхъ съ любовью тщательно. При полномъ отсутствіи въ то время руководящихъ указаній опыта и научной разработки предмета, этотъ собиратель умѣлъ самъ разобраться, и при этомъ въ своихъ записяхъ онъ сохранилъ оттѣнки новгородскаго нарѣчія съ обозначеніемъ удареній, затребованныхъ олонекимъ говоромъ и законами былиннаго стиховоднаго размѣра.

Въ тѣ времена предубѣжденій и отчужденій, когда трудно было добиться какихъ-либо вѣрныхъ свѣдѣній отъ народа «барину» и тѣмъ болѣе чиновнику,—всякое даваніе было благо. Разбивать изслѣдованія на спеціальности съ исключительною погоней за одною избранною, какъ привелось сдѣлать это тому же Рыбникову, а въ особенности Гильфердингу по отношенію

къ былинамъ и Барсову—къ приптаньямъ, Баласогло не нашелъ нужнымъ. Ему все казалось драгоценностью, достойною памяти. Судя по остаткамъ этого сборника, случайно доставшимся мнѣ въ Москвѣ, имъ по возможности преслѣдовались всѣ роды пѣсеннаго творчества, записывались всѣ обломки древняго народнаго эпоса, еще сохранившіеся въ Заонежьѣ.

Я назвалъ имѣющіяся у меня тетради «остатками сборника» Баласогло на основаніи упомянутой мною замѣтки въ «Трудѣ». Въ ней говорится: «записи Баласогло достались учителю мѣстной гимназіи Дозе. Послѣдній по отзывамъ знавшихъ его, «былъ человѣкъ образованный, любилъ свой предметъ преподаванія, любилъ своихъ учениковъ и многихъ изъ нихъ направилъ на путь изученія края во всѣхъ отношеніяхъ». При всемъ томъ онъ не особенно удачно распорядился доставшимся ему богатствомъ, раздавши записи Баласогло гимназистамъ для ученическихъ сочиненій. Напечаталъ онъ только одну былинку въ Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостяхъ». А вотъ и нѣсколько изъ остальныхъ былинъ, уцѣлѣвшихъ отъ погрома, подаренныхъ мнѣ наслѣдникомъ сослуживца собирателя въ количествѣ 11-ти, при 7 «плаксахъ по жаломомъ покойникѣ», 40 № № лирическихъ пѣсенъ и 4 духовныхъ стиха.

Я не буду теперь, за краткостью времени и въ виду предстоящаго сообщенія современнаго интереса, представлять оцѣнку этого сборника, довольствуясь напоминаніемъ объ неизвѣстномъ или полужабытомъ собирателѣ, во всякомъ случаѣ, первымъ пробившимъ тропу туда, гдѣ послѣдующіе и задніе успѣли пріобрѣсти широкую извѣстность и вполне заслуженную славу. Собственно поучителемъ призывъ Дмитрія Ив. Баласогло сюда же за сказками; въ обрывкахъ его сборника сохранились двѣ или, вѣрнѣе, три (одна въ вариантѣ, представляющемъ самостоятельный пересказъ). Первая запись сказки о «Царь-дѣвицѣ» сдѣлана въ Вой-Наволокъ, вторая—въ Сѣногубскомъ погостѣ. У Афанасьева имѣется 6 вариантовъ на эту же самую любимую народомъ сказку о поискахъ молодыхъ яблокъ, живой и мертвой воды, но у Баласогло въ записяхъ былинный складъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ идутъ живые разговоры сохранился въ изумительной цѣльности. Въ отдѣльной сказкѣ—кстати портныхъ о портномъ—уберегся и былинный приѣмъ разсказа, и основной характеръ сказокъ—чрезмѣрная небывальщина и широкій размахъ фантазіи. Этой сказки я не нашелъ ни въ одномъ сборникѣ, а по краткости содержанія позволяю себѣ привести ея текстъ подлинникомъ, чтобы познакомить съ характеромъ записей Баласогло, какъ желательнаго образца для будущихъ собирателей. Таковыми могутъ быть тѣ же лица, которыми умѣло и съ особеннымъ успѣхомъ пользовался Рыбниковъ, поручая записи семинаристамъ, развѣзжающимся на вакаціи. Остальные великорусскія мѣстности,

выпускающія шведовъ въ разныя стороны до далекой Сибири включительно, — все на счету: село Молвитино (Костр. губ.), село Мурашвино (Нижегор.), деревня Трушково Пошехонскаго уѣзд. Ярослав. губ., лежащая въ центрѣ селеній со сплошь странствующими портными, и т. д. Что же касается до прославленныхъ мѣстностей Заонежья, до Кижей и Толвуя, то онѣ и сейчасъ лежатъ въ сторожѣ даже и отъ такого недавно проложеннаго почтоваго тракта, который идетъ отъ озера Онеги черезъ Повѣнецъ къ Бѣлому морю, — тракта совершенно ничтожнаго по своему значенію въ данномъ вопросѣ. Давнія связи географическаго общества, при надлежащемъ сношеніи со всеми подобными мѣстностями, помогутъ добору недостающаго и исправленіемъ вариантовъ особенно вѣроятныхъ въ Заонежьѣ. Нашелъ же Баласогло вотъ эту сказку, ускользнувшую отъ Рыбникова и Гильфердинга, несмотря на то, что въ ней слышится и былинный ритмъ, и обычные былинныя обороты ¹⁾.

Увѣренно думается, что къ этому доброму привѣту начинаніямъ этнографическаго отдѣленія по изданію сказокъ присоединится и столь же искреннее и общее желаніе, чтобы подобныхъ указанной отчетливыхъ и безпримѣсныхъ записей нашлось побольше. Пожеланіе это тѣмъ сознательнѣе и искреннѣе, что невольно припоминаются и первыя неудачи и послѣдующіе блестящіе успѣхи этого рода начинаній. Первые народныя сказки, напр., появились на Божій вольный свѣтъ въ печати обвѣшанными погремушками и пестрыми лоскутками, и самъ пересказчикъ зачѣмъ-то наряжался скоморохомъ. Онъ испещрилъ рассказъ пустословками, уснастилъ въ такомъ избыткѣ смѣхотворными прибаутками, что черезъ нихъ и сквозь слой намазанныхъ красокъ нельзя было опознаться, гдѣ говоритъ сказка сама отъ себя за свой страхъ и счетъ безъ оборота, и гдѣ, безъ довѣренности, ручался за нее пересказчикъ. И лица не видно, и голосу не слышно. Не слышно того мягкаго и тихаго говорка подобнаго голубиному воркованью которымъ убаюковалось и ласкалось дѣтство. Не видно и милыхъ чертъ знакомаго лица, морщинистаго отъ старости, но съ такимъ привѣтливымъ взглядомъ, въ которомъ ярко свѣтился живой огонекъ юности. Можетъ быть этотъ запѣвало и сдѣлалъ свое дѣло; гремушкой со звучій привлекъ слушателей и задержалъ ихъ вниманіе на своихъ остроумныхъ рѣсказняхъ и въ «Первомъ пяткѣ русскихъ сказокъ», и въ послѣдующихъ десяткахъ, — небылцѣ и побывальщинѣ.

И такова, знать, судьба, всякихъ запѣвокъ, что и первая попытка выпуска былинъ и пѣсенъ, не можетъ зачестъся въ поучительный образецъ къ руководству. Корабль, наполненный большимъ количествомъ дорогаго товара,

¹⁾ Сказки по записи Д. И. Баласогло см. ниже въ II отд.

выплывалъ въ открытое море тяжело и вѣско. Шкиперъ, вызвавшійся на проводку судна, столько навалилъ балласта, что пришлось и разгребать его, чтобы добраться до сокровищъ, и удивляться, въ то-же время тому, зачѣмъ набралъ онъ такъ много лишнихъ и тяжелыхъ камней. Конечно, этимъ приѣмомъ ни добротности, ни сохранности основной и главной клади онъ не прибавилъ, но навѣрное затруднилъ его получку въ томъ цѣльномъ и опрятномъ видѣ, въ какомъ самъ получилъ этотъ цѣнный продуктъ, доставленный ему изъ разныхъ мѣстъ заготовокъ.

Теперь, когда первыя неудачи исправлены и ушли, какъ говорится, въ преданіе, когда завели дѣло такія снльныя и опытныя руки, какими владѣли Афанасьевъ и Гильфердингъ, можно еще разъ съ полною увѣренностью въ успѣхѣ еще болѣе блестящемъ и несомнѣнномъ повторить привѣтъ съ чувствомъ благодарности за починъ и пожеланіемъ благополучнаго окончанія.

Вотъ теперь и моя сказка съ присказкой вся.

С. В. Максимовъ.

Сказки.

(Приложение къ статьѣ С. В. Максимова).

1.

О царѣ и портномъ.

Досюль жилъ-былъ царь на царствѣ, на ровныхъ мѣсти, какъ сыръ на ска-
терти. Этотъ царь былъ охотникъ сказокъ слушать. И сдѣлалъ онъ по царству указъ,
чтобъ сказали сказку, которой никто не слыхивалъ:

«За то кто скажетъ—огдамъ полцарства и царевну»!

Этой сказки сказать никто не находилъ!

Приходить изъ кабака швецъ, говорить царю:

« Ваше царское величество! извольте меня напоить-накормить: я вамъ буду
сказки сказывать»!

И напоили, и накормили, и на стулъ посадили.

И сталъ сказки сказывать:

«Какъ досюль былъ у меня батюшка—богатаго живота человекъ! И онъ со-
строилъ себѣ домъ: что голуби по шелому ходили—съ неба звѣзды клевали! У этого
дома былъ дворъ,—отъ воротъ до воротъ лѣтомъ, меженимъ днемъ, голубь не могъ
перелѣтывать!..

«Слыхали-ль эту сказку, вы, господа—бояра, и ты надежа—великій царь»?
Тыи говорятъ, что не слыхали.

«Ну, такъ это не сказка, а присказка: сказка будетъ завтра, повечеру.—Те-
перь меня прощайте»!..

Ушелъ.

И приходитъ опять на другой день, и говорить:

«Ваше царское величество! извольте меня напоить-накормить: я вамъ буду
сказки сказывать»!

И напоили, и накормили, и на стулъ посадили.

И сталъ сказки сказывать.

«Какъ досюль былъ у меня батюшка: богатѣйшаго живота человекъ! И онъ
состроилъ себѣ домъ:—что голуби по шелому ходили—съ неба звѣзды клевали! у
этого дома былъ дворъ:—отъ воротъ до воротъ лѣтомъ, меженимъ днемъ, голубь не
могъ перелѣтывать!—И на этомъ дворѣ былъ выращенъ быкъ:—на томъ рогѣ сидѣлъ
пастухъ, на другомъ—другой; въ трубы трубятъ и въ рѣдги играютъ, а другъ другу
лица не видно и голоса не слышно!..

«Слыхали-ль эту сказку вы, господа бояре, и ты, надежа—великій царь»?
— Нѣтъ не слыхали!—

Шапку взялъ, да и шелъ.

Царь видить, что это человекъ не путный, — жалъ стало царевну отдать,—гово-
ворить господамъ:

«Что, господа бояра?— Скажемъ-те, что слыхали эту сказку, и подпишемъ-те»!
Господа согласились, что—слыхали эту сказку, и подписались.

На третій день приходитъ этотъ портной и говорить:

«Ваше царское величество! Извольте меня напоить—накормить: я вамъ буду
сказки сказывать»!

И напоили и накормили, и на стулъ посадили.

И сталъ онъ сказки сказывать:

«Какъ досюль былъ у меня батюшка: пребогатаго—богатаго живота человекъ! И соорилъ онъ себѣ домъ: что голуби по шелому ходили—съ неба звѣзды клевали!— У этого дома былъ дворъ:—отъ воротъ до воротъ лѣтомъ, меженнымъ днемъ, голубь не могъ перелѣтывать.—И на этомъ на дворѣ былъ вырощенъ быкъ: на томъ рогу сидѣлъ пастухъ, на другомъ—другой; въ трубы трубятъ и въ рога играютъ, а другъ друга лица не видно и голоса не слышно!—И на дворѣ была вырощена кобыла: по трои жеребятъ въ сутки носила, все третьяковъ, т. е. сразу трехъ лѣтъ возраста!—И ѣтъ во тѣмъ пору жилъ весьма богато!

И ты, надежа—великій царь, занялъ у него сорокъ тысячъ денегъ!..

«Слышали-ль вы, господа бояра, такую сказку? и ты, надежа—великій царь»?..

Господа видятъ, что ничего дѣлать,—говорятъ всѣ, что слышали.

«Ты, великій царь? Занялъ у моего батюшки сорокъ тысячъ денегъ—вижь, господа вси слышали!—А ты мнѣ денегъ до сихъ поръ не отдаешь!»

И видитъ царь, что дѣло не хорошее:—надо отдать царевну и полцарства— либо сорокъ тысячъ денегъ!

Отдалъ ему сорокъ тысячъ денегъ.

И пошелъ этотъ портной опять въ кабакъ, съ пѣснями!..

Вотъ-те, и сказка вся!..

Сынно-Губскій Погостъ, въ За-Онежьѣ.

2.

О царь - дѣвицѣ.

Одинъ разсказъ.

Нѣ у какого царя было три сына, первый сынъ—Федоръ-царевичъ; другой—сынъ Дмигрій царевичъ; третій—Иванъ-царевичъ...

Нѣ у коего царя былъ почестный пиръ...

И говорить своимъ собранннмъ генераламъ и графамъ:

«Что, господа! У меня три сына: кто бы могъ моихъ цвѣтовъ порвать и слѣдовъ поискать?»

И выходитъ больший сынъ, Федоръ-царевичъ:

«Батюшка, дай мнѣ прощенье и благословенье твоихъ цвѣтовъ порвать и слѣдовъ поискать»!

Этому царь радостенъ сдѣлался, и отпускаетъ;—велитъ съ конюшни наилучшаго коня дать.—И обѣдали, и обуздали; и поѣхалъ во чисто поле по времени молодець.

И пріѣзжаетъ ко столбу: на столбѣ подишь:

«Кто въ правую дорогу поѣдетъ—самъ сытъ, а конь голоденъ; а кто въ лѣвую дорогу поѣдетъ—конь сытъ, а самъ голоденъ; кто среднюю дорогу поѣдетъ—голова на плаху»!

Тутъ Федоръ-царевичъ пораздумался, и поѣхалъ въ правую дорогу.

И пріѣхалъ къ мѣдной горѣ. Поставилъ коня у своего коня, и высталъ на гору. Ходилъ по горѣ—ничего иного не могъ найти, окромѣ мѣднаго гада, весьма красиваго. И клалъ себѣ въ карманъ, и поворотъ дѣлалъ въ свое государство.

И пріѣзжаетъ къ своему отцу, и входитъ въ тайныя комнаты своего отца, и кажетъ сего змѣя мѣднаго.

На это царь гнѣвенъ сдѣлался:

«Какую скверность ты привезъ! и може наше царство расточить!»!

И послѣ этого сдѣлался царь очень грубъ, многовременно время. .

Потомъ царь временно сдѣлался веселъ, въ саду гуляючи, и такожде приказалъ сдѣлать балъ.

И всѣ на пиру напивались.

Въ этомъ веселіи царь выходитъ и говорить:

«Господа генералы и графы! Каждды у меня дѣти выращены до полного возросту, и такожды—говорить—никто не нашелся моихъ цвѣтовъ поломать и слѣдовъ поискать»!..

И потомъ выходитъ Дмитрій-царевичъ; поклонился и благословился у своего батюшка, что

«Дай миѣ, батюшка, благословенія, твоихъ цвѣтовъ поломать и слѣдовъ поискать»!

Этому царь радостенъ сдѣлался, приказалъ наилучшаго коня дать.

И сѣлъ на добра коня и поѣхалъ во чистое поле.

И ѣздитъ по чистому полю и подѣхалъ къ этому столбу, и на этомъ столбу подпись:

«Кто въ правую дорогу поѣдетъ—самъ сытъ, а конь голоденъ; а кто въ лѣвую дорогу поѣдетъ—конь сытъ, а самъ голоденъ; кто въ серединю дорогу поѣдетъ—голова на влаху».

Пораздумался добрый молодецъ, и порасплакался:

Куда-жъ я поѣду?.. Поѣду въ лѣвую дорогу: конь будетъ сытъ, и меня вывезетъ»!

И ѣхалъ, близко ли—далече,—стоитъ велика прихоромнина; и заѣхалъ вкругъ дому, и подъ воротъ, на дворъ заѣхалъ:—столбы точёные, кольца золочёныя.—И поставилъ своего добраго коня въ пшены, и идетъ въ верхніе понои по лѣстницѣ.—И па встрѣчу ему жѣнка; и бѣжить—вѣжливо пріятно принимаетъ его. И всякой благодати на столахъ наложено кушанье. Увѣщаваеъ, кормить, и поить добраго молодца; и послѣ хлѣба—солъ на спокій ложить на кровать его. Какъ скоро на кровать положила, доску повернула, и улеталъ онъ въ погребъ!..

И царь многому времени дожидаль этаво сына и много времени печаленъ былъ.

Потомъ сдѣлалъ царь балъ, и развеселился, говорить графамъ и генераламъ:

«Что, господа графы и енералы! вырастилъ трехъ сымоуей, а какъ ни рачитильныхъ, ни попечительныхъ для службы, для своего царства; а нѣкому моихъ цвѣтовъ поломать и слѣдовъ поискать»!

И выходитъ Иванъ-царевичъ, и просить благословенія у своего родителя.

«Ахъ, Иванъ-царевичъ, царской сынъ! Лучше тебя братья были, да что сдѣлали?—Зналъ бы ты за пепкой лежать: нечего тебѣ не въ свое дѣло пихаться»!

И сдѣлался этому Иванъ-царевичъ очень яръ:

«Батюшка, великой надежда—государь! дашь прощеніе и благословеніе—поѣду; не дашь прощеніе и благословеніе—поѣду»!

И царь приказалъ наилучшаго коня дать, когда пушай по охотѣ поѣдетъ.

И вышли конюхи: что ни лучшаго коня ему выбираютъ и выдаютъ. Онъ самую водовожную лошадепочку, что ни есть похуже, выбираеъ. И сѣлъ доброй молодецъ къ хвосту рожею. И всѣ господа засмѣялися, что царской сынъ такъ не ладно поѣхалъ...

И выѣхалъ Иванъ-царевичъ въ чистое поле; и дернулъ за хвостъ, и кожу клалъ на гвоздь, и —

«Вотъ, вамъ, вороны и сороки: обѣдъ вамъ Богъ далъ»!

Самъ рыкнулъ по-звѣриноу и свистнулъ по звѣиноу:—конь бѣжить, мать-сыра земля дрожить; со рта пламя машетъ, съ ноздрей искры сыплеть; съ ушей чадъ и дымъ столбомъ валить, съ . . . горячія головешки выкидываетъ!

Потомъ Иванъ-царевичъ взялъ добраго коня, угладилъ и—трилѣтняго младѣнчика кладъ, такъ и этотъ ѣздитъ!

И тутъ Иванъ-царевичъ шелъ въ свой великой, глубокой погребѣ, который дѣдушкой имъ жалованъ погребѣ—п наѣлся-налился добрый молодецъ; взялъ себѣ лучшіе тесьменные брзые и черкасско сѣдло. И подтигивалъ своего добраго коня, и бравъ себѣ вострый мечъ; и сѣдился ва добра коня—поѣхалъ въ чисто поле.

И ѣздя по чистому полю, прѣхалъ къ евоу столбу. И на этомъ столбѣ подпись:

«Кто въ правую дорогу поѣдетъ—самъ сытъ, а конь голоденъ; а кто въ лѣвую дорогу поѣдетъ—конь сытъ, а самъ голоденъ; кто середнею поѣдетъ дорогой—голова на плаху!»

Тутъ добрый молодецъ Иванъ-царевичъ, и норасплакался—пораздумался:

«Не честь—хвала богатырская доброму молодцу тутъ ѣхать, гдѣ голова на плаху!»

И поѣхалъ добрый молодецъ въ чистое поле, взялъ поскакивать, и взялъ надъ добрымъ конемъ помахивать:—рѣки и озѣра между ногъ несетъ; грива колесомъ завивается—хвостъ по земли разстиляется!..

И выѣхалъ на зеленые луга, и увидѣлъ фатѣрку на веретѣнной пяткѣ: туды тынцѣмъ, сюды крыльцѣмъ. И соскочилъ добрый молодецъ съ добра коня:

«Мнѣ не вѣкъ вѣковать, одну ночь почевать:—я въ тебя иду, и выйду!»

И шелъ добрый молодецъ въ сѣю хоромину, владеть крестъ по-писанному, поклоны кладесть по учѣному.

И сидитъ старъ мать роженá: носомъ въ печи поваруетъ, и глазами гусей въ полѣ пасетъ; руками шѣлковъ кѹжель тѣчить черезъ градкѣ:

«Фу-фу-фу: дѣсель черной воронъ кости ростѣйской не занашивалъ; а нынѣ въ очи вѣржетъ!—Что ты, дитятко, волею иль неволею ѣдешь?»

Тутъ добрый молодецъ какъ прискочетъ къ старухѣ:

«Дамъ тебѣ поушину—будетъ отъ отдушина! а тамъ какъ песокъ посыпется—будетъ съ песокъ!—Ты бы, старушка, неучилась-то много богатыря спрашивать:—училась бы кормить да поить!»

Старушка на столъ собрала и накормила и напоила и постель постлала;—стала у Иванъ-царевича спрашивать.

«Волей ли ты, дитятко, ѣдешь иль неволей?»

И сталъ сказывать:

«Волей, а втрое неволей.—И насъ было у царя три брата: первый ѣздилъ—только мѣдны горы мѣднаго гада привезъ,—и засадилъ того брата; и дрѹгой въ безвѣстность ѣхалъ; потомъ наложилъ на меня службу,—его цвѣтикъ ломать и слѣдовъ разыскивать.—Скажи, бабенка, далеке ли нашъ татенка ѣздилъ, въ бытность его?»

—Ложись, дитятко, спать: утро мудро, а день прибыточень!—

По утру бабенка будила добраго молодца; и накормила, напоила—дала своо добраго коня и на путь дорожку проводила:

«Матерѣе меня сестра живетъ впереди и про это дѣло она знаетъ»...

И поѣхалъ добрый молодецъ въ чистое поле опять: съ горы на гору, съ холма на холму; и взялъ поскакивать добрый молодецъ—взялъ помахивать:—рѣки да озѣра промежъ ногъ несетъ; грива колесомъ завивается, хвостъ по земли разстиляется!..

И выѣхалъ на зеленые луга. И день ко вечеру приближается. И увидѣлъ фатѣрку въ полѣ, на тѹры ножки, на веретѣной пятки.

«Устойся, фатѣрка! Мнѣ въ тебѣ не вѣкъ вѣковать—одну ночь почевать: я въ тебя иду, и выйду!»

Фатѣрка устоялась:—туды тынцѣмъ, сюды крыльцѣмъ.

И соскочилъ со своего добраго коня, идетъ въ егѣ хоромину:—ашшѣ старѣй той сестры сидитъ! черезъ градку шѣлковъ кѹжель тѣчить, въ печи носомъ поваруетъ и глазами въ полѣ гусей пасетъ.

«И досель — говорит — черной воронъ русской кости не нашивалъ — одинъ царь російскій проѣзживалъ; а нынѣ русская кость сама въ очи вѣржетъ! — Что ты, дитятко, волей ли ты ѣздишь или неволею?»

И царскій сынъ, Иванъ Царевичъ, былъ очень томенъ, голоденъ, и очень сдѣлался ярь — прискочить къ старухѣ и захахается:

«Я тебѣ какъ дамъ поушину — будетъ изъ.... отдушина! дамъ въ високъ — изъ.... посыплется песокъ! А не училась бы ты много богатыря спрашивать — училась бы поить да кормить, на перинку спать положить!»

И старушка наполнила, накормила и спать положила и стала его спрашивать:

«Дитятко, волею ли ты ѣздишь или неволею?»

— Ахъ, бабенка! — говорит — вдвое неволею. Велѣлъ нашъ тѣтенька всѣхъ цвѣтовъ поломать, слѣдовъ поискать. Скажи, бабенка: — далече ль или близко нашъ тѣтенька ѣздилъ? —

«Утро мудро; день прибыточенъ: — утро мудренѣе вечера, дитятко; съ утра я тебѣ скажу!»

Тутъ бабенка будила его поутру ранѣшенько и кормила и поила его, добраго молодца, и дала своего добраго коня; а того оставила тутъ-ка и проводила въ чистое поле...

И взялъ доброй молодецъ поскакивать и помахивать: съ горы на гору, съ холма на холм; рѣки да озера промежъ ногъ несутъ; грива колесомъ завивается, хвостъ по земли разсгиается...

И выѣхалъ на зеленые луга. И день коротается, солнце къ вечеру приближается... И такъ увидѣлъ въ зеленыхъ лугахъ хвартрку:

«Устойся, фатерка, на турѣй ножки, на веретѣнной пяткѣ! мнѣ нѣ тебѣ не вѣкъ вѣковать — одну ночь почевать: я въ тебя пойду и выду!»

И пріѣзжаетъ на своемъ добромъ кони ко крыльцу, и соскочилъ съ своего добраго коня — идетъ въ сю хранину: — сидитъ старая матерая жена и точитъ черезъ грядку шѣлковъ кужель и восомъ въ печи поваруетъ, глазами въ полѣ гусей пасетъ:

«Что ты, дитятко, волей аль неволей ѣздишь?»

Прискочетъ какъ Иванъ-царевичъ къ старухѣ:

«Я тебѣ какъ дамъ поушину — будетъ отъ отдушина! какъ дамъ въ високъ — посыплется изъ песокъ!»..

Недосугъ стало старухѣ сидѣть: — стала кормить и поить, и спать положила; и тогда стала спрашивать...

«Ахъ, бабенка! всѣ тебѣ побѣдушки свои скажу: насъ у царя было три сына. Первый братъ былъ Федоръ-царевичъ, и спустил онъ за охотой его своихъ цвѣтовъ поломать — слѣдовъ поискать; и то онъ съѣхалъ только къ жѣдной горы — одного привезъ жѣднаго гада. И за то нашъ батюшка сдѣлался гнивець — посадилъ его въ темницу. И другою братъ былъ Митрей-царевичъ; и послалъ его за охотой, и пропалъ онъ безвѣстно, назадъ онъ не воротился. И сталъ вымекать по инно время нашъ батюшка, — принужденъ я выйдти, поклониться батюшкѣ, поѣхать его цвѣтовъ поломать, слѣдовъ поискать. Потому онъ мнѣ говорилъ:

«Куды тебѣ, Иванъ, ѣхать? было братьевъ лучше тебя! — сидѣть бы тебѣ на печи, а не поляковать ѣхать! другие были старше тебя, да не воротились въ домъ!»!

«И потому я вынужденъ, бабенка, выйдти и благословленія просить у батюшки своего: — Дашь прощенье и благословленіе — поѣду! не дашь прощенья и благословленія — поѣду! — Тогда же принужденъ я поѣхать во чистое поле поломать его цвѣтовъ, поискать слѣдовъ. И потому царь этому былъ радостенъ — отпустивъ меня. — Скажи, бабенка, далече ли нашъ тѣтенька ѣздилъ или близко?»

— Утро, дитятко, мудро; день прибыточенъ; — утро мудренѣе вечера: — я тебѣ съ утра скажу! —

И тутъ онъ просыпался, будила его бабенка ранѣшенько и дала своего добраго коня, и на пугъ-дорожку провожала и наказывала ему:

«Пріѣдешь, мое дитятко, въ самое полудѣнное время, въ подсолнечное государство. И тамъ все дѣвица царѣтъ, Марья-Краса, Долга Коса. О девяти столбахъ кровать. Спитъ она на одри само полудѣнное время. Но поторопись—скачи прямо въ городовую стѣну. И въ саду молодováя яблоня, вода жива и мѣртва. И за тымъ твой отецъ ѣздилъ туда, ты налей пузырьки живой воды и мертвой; испытай, которая жива, которая мертва:—розорви воронѣнка. На правой рукѣ живая вода, а на лѣвой мертвая»...

Пріѣзжаетъ Иванъ-Царевичъ въ подсолнечное государство и зашелъ въ садъ и поймалъ вороненка, и разорвалъ. И тутъ сыркнулъ мертвой водой—тѣло его слилось; и живой водой сыркнулъ—вороненокъ полетѣлъ!...

И тутъ захотѣлось доброму молодцу сходить въ покой, посмотрѣть: какожды спитъ въ полудѣнное время Царь-Дѣвица, Марья-Краса, Долга Коса?—И пошелъ по покоямъ—по комнатамъ, и всѣ дѣвицы по одрамъ своимъ снятъ. И дошелъ до покоя дѣвицы Марья-Красы и до Долгой-Косы. Такожды дѣвица очень прилѣпно красовита. И въ себя вздохнетъ—двери запрутся, и отъ себя отдохнетъ—двери отпрутятся... И—

«Что мнѣ не честь!» разгорѣлось у молодца ретивое сердце:

«Хочется мнѣ у дѣвицы своего коня напоить!»

И за нею Красу, скрозъ рубашку тѣло видно, а скрозъ тѣло—мозгъ видно... И пригорѣлся онъ, и захотѣлось ему своей охотой сдѣлать мысленной. И ся дѣвица не услышала, сію охоту сдѣлать мысленно...

И потомъ вышелъ твою, и смирно изъ покоевъ вонъ.

И выходитъ на широкой свой дворъ, и весьма его стоитъ конь утружденъ. Веди его къ роднику, излей его всего всего свѣжей водой, и набери молодovýchъ яблоковъ, наклади перемѣтныхъ сумки, и пузырьки налей воды живой и мертвой, и ускори изъ царствія поѣхать скорою своею промышленностью.

И такожды сѣлся ва добра коня и, поторопивъ поѣхать, ударилъ коня по тучнымъ бедрамъ, и скочивъ прямо городовую стѣну, и зачепивъ конь лѣвою ногою за жѣдную струну. Вокругъ города жѣдныхъ струны и колокола зазвонили, и разбудилась Царь-Дѣвица, и взбудила всѣхъ своихъ служащихъ. И сдѣлала всѣхъ крылатыхъ—полетѣла вслѣдъ за нимъ, въ погоню.

«Что въ нашемъ государствѣ былъ воръ, и въ моемъ колодезѣ коня напоилъ. Обравъ наши яблоки молодovýchъ и живую воду и мертвую!»

Такъ сіе Иванъ-царевичъ доѣзжаетъ до бабенки, и бабенка выводитъ къ нему своего добра коня. И онъ, царевичъ, соскочи съ коня на коня, и гони впередъ...

И стала ей просить, родной своей племянницѣ, Царь-Дѣвицѣ, къ себѣ въ гости, на чай и на кофе.

«Что жъ, бабенка! мнѣ не слободно и недесугъ; не видала ль какого дурака, проѣдуща?»

— Ахъ, мае дитятко!—говорить:—и никуда отъ твоихъ рукъ уйдетъ:—онъ коломъ погоняетъ; поди на малое время ко мнѣ погостить!

И потомъ, поколь ее угощивала, онъ коня погоняетъ—ко друтой бабушкѣ поспѣшаетъ.

А Царь-Дѣвица, вслѣдъ и поднялась со своей силой.

И прилетаетъ къ своей бабенкѣ:

«Что, бабенка? не видала ли дурака, проѣдуща или проѣдуща?»

— Дитятко!—говорить:—какой то дурачекъ ѣдетъ; бьетъ—лошаденка поткается; больше нейдетъ!

Начни убѣдительно просить сію царь-дѣвицу къ себѣ въ гости на чай и на кофе.

И зашла дѣвица.

Поколь угощивалась—Иванъ-царевичъ къ третьей бабушкѣ пріѣзжаетъ. И дѣла ему своего добра коня, отсылаетъ въ тую минуту со двора.

И царь-дѣвица отъ второй бабушки поднялась и его застать хочетъ. То долетаетъ до третьей бабенки—спрашиваетъ:

«Что, бабенка? не видала ль дурака, пройдущи или проѣдущи?»

— Подико въ гости!.. Какой-то дуракъ ужъ на кони кожу несеть!

И стала ее убѣдительно просить:

— Жаръ этакой!—отдохнешь!..

Покѣль она прохлаждалась да угощалась, — потомъ за Иваномъ-царевичемъ вслѣдъ подымалась.

Иванъ-царевичъ той порой ускорилъ на святую Русь выѣхать; и не поспѣла своей спѣшностью его достать!..

И пріѣхалъ Иванъ-царевичъ къ тому же столбу во чистомъ поли, на которомъ надпись есть...

Тутъ Иванъ-царевичъ пораздумался:

«Не честь-хвала да молодецкая!—въ дорожку былъ справивши не въ вѣстимую, получилъ своего батюшка все прихоти, и—буде поискать своо рѣднаго братца, Дмитрія-царевича!»

Тогда ладится поѣхать, своего брата поискать; и справился—«гдѣ конь смѣтъ, а самъ голоденъ».

И выѣхалъ въ зеленыя луга. И приголомный дождь увидалъ; и подѣхалъ къ сѣну; и подъ воротъ заѣхалъ, и поставилъ коня въ бѣло-ѣровой пшеницѣ... Узналъ царскій конь своего наследника—заржалъ во всю пору!—Идетъ онъ на столбы точённые, на ступеньки золочёныя. И выходитъ ему встрѣчу прекрасная женщина; и встрѣчаетъ его—къ себѣ въ покой зазываетъ, и ведетъ его къ себѣ въ покой на угощеніе.

И кормила, поила, всѣмъ удовольствовала его—всякою благодатію. И на кровать послѣ хлѣба-соли добра молодца ложить съ устаточку. Ложить его, Ивана-царевича, напередъ о стѣночку; а онъ еѣ. Долговременно корялись они этимъ. Хвати Иванъ-царевичъ за животъ ея, и брось о стѣнку!—поверни кровать-самокатку—полети ся женщина въ глубокой погребъ!...

Тамъ кричатъ прежніе сидѣльцы:

«Свѣжаго Богъ далъ»!

Кричитъ Иванъ-царевичъ:

«Котора бась сгубила, разорвите ю по одному суставу»!

Тутъ хватили добрыхъ молодцы:—кому рука, кому нога, кому нопала голова!..

И подавае пивъ ко долу канать; и распускаетъ добрыхъ молодцевъ на волю. Обдзри своего брата Митрія—пріймаетъ его за ручки за бѣлья, за перси злеченныя; цѣловалъ его во сахарныя уста, нарекалъ его братомъ, Дмитріемъ-царевичемъ.—И напоилъ, накормилъ своего брата и поѣхалъ съ нимъ въ свой градъ.

И выѣхалъ въ чистое поле. Оклони Ивана-царевича великій и несносный сонъ. Девятеро сутки ѣздючи, ни сыпѣючи, не ѣдаючи, не пиваючи... И роздерили свои бѣлые шатры, и начали опочивать.

Иванъ-царевичъ спитъ безъ прохвату...

И третьи сутки Митрій-царевичъ, обравъ молодѣвыя яблони, живую воду и перемѣтныя сумки, уѣхалъ въ свое государство.

Иванъ-царевичъ проспался:—нигдѣ ничего не видно!—И сѣлъ на своо добраго коня, и подѣхалъ близъ своего государства. И снимае свое перьясское сѣдло и тѣсмяную узду, и—

«Ступай въ поле, на покой, Сивка-Бурка, пока я тебя не потребую»!

Идетъ Иванъ-царевичъ пѣхотою въ свой градъ. И зайди по питейнымъ домамъ, съ удалчашы на ряду...

Съ великою чѣстію принялъ царь Дмитрія-царевича, водить балы и короводы...

Своро скажется—тихо дѣтается:—тѣмъ временемъ прошло три года. И пріѣхала

Царь-Дѣвица середь самой середь ночи, съ полуночи во первомъ часу; и начини палить изъ пушекъ и изъ оружія; и прѣси виноватаго къ себѣ.

Не знаетъ царь, что и сдѣлать: кого отдать виноватаго?..

И собиралъ онъ царь думныхъ господъ:

«И господа вы, думчіе бояра! станемъ мы выдумывать: нѣтъ-ли у насъ кого виноватаго послать?»

— Милосердный государь! какожды вамъ полюбится, намъ сказать и говорить:— во дальнюю дорожку Митрій-царевичъ не напакостивъ-ли гдѣ? не сдѣлалъ ли чего худого въ какомъ госуларствѣ?

И посылали Федора-царевича на корабль. И увидѣла Марья-краса, Долга Коса,— выбросила сходни, постилала сукна красны... Бѣгаютъ на корабли два вьюноша прекрасныя, и кричатъ сіи два вьюноши малые:

«Маменька! маменька! нашъ татенка идетъ!»

— Нѣтъ, дѣтушки!—говоритъ:—не батюшка идетъ, вашъ дядюшка бѣльшій.— Возьмите-тка—говоритъ—вы дядюшку, розтяните вы его по палубы; вырѣжьте-ка съ лажки три пражки, съ хребта—три ремня.—Пусть не въ свое мѣсто не пихается!— столкните его прочь.

И начини опять палить день и ночь изъ пушекъ и изъ ружей, и прѣси виноватаго.

И собираетъ царь думныхъ господъ:

Что у насъ въ государствѣ, кто виноватый есть?

И такожды господа думчіе бояра удумали:

«Извольте, ваша милость, послать Митрія-царевича:—не его ли есть пригрѣшеніе?»

И царь посылаетъ своего сына на корабль.

Выкинули сходни, постилали сукна... Бѣгаютъ два вьюноша малые и говорятъ своей матери:

«Маменька! маменька! нашъ татенка идетъ !

— Нѣтъ, не вашъ татенка идетъ; а вашъ средней дядюшка идетъ.—Возьмите-ка вы дядюшку за ручки бѣлыя, положите его на палубы: вырѣжьте-ка съ лажки три пражки, съ хребта—три ремня!—Пусть не въ свое мѣсто не пихается!—отошлите съ корабля вонъ!

И съ корабля отослали его, и начали палить изъ ружей да изъ пушекъ, просить виноватаго.

И опять царь собралъ думныхъ господъ:

«Что, думчіе господа? кто у насъ согрѣшилъ?—Дайте мнѣ совѣтъ».

Нѣкакій выискался изъ нихъ,—сѣбло отвѣчаетъ царю:

«Ваше Императорское Величество.—Ваша милость виновата!»

Такожды и говоритъ:

«Ванька-запѣчникъ—царской сынъ; хотя и не пристойно вамъ сказать—всякія премудрости онъ вретъ и представляетъ по кабакамъ и питейнымъ домамъ»...

— Отыскать его, и привести!—не его ли пригрѣшеніе есть!..

Того Ваньку отыскивали по кабакамъ, по всему городу;—отыскивали Ваньку за городомъ, «царскаго сына», и требуютъ его на личе къ царю. И приходитъ онъ къ своему отцу на личе, въ худомъ мундирѣ. И сильно воспылилъ на него царь:

«Охотникъ ты, Иванъ-царевичъ, приглаживать:—не твое ли пригрѣшеніе есть?— За свой ты грѣхъ самъ и отвѣчай; а насъ—чтобъ больше не тревожили!»

Ванька сѣбло царю отвѣчаетъ:

«Какой бездѣлчи безъ меня царю отвѣтять не могли!»

Такожды говоритъ:

«Отвѣтить не могли!»

Убирался Ванька скоро на корабль. И идетъ онъ на корабль, не самымъ чи-

стынь парадомъ, а грязью и водой.— Тамъ того-то не пытали—сходни вывинули, и сукна подостлали... И бѣгаютъ два вьюноша:

«Маменька! маменька! не нашъ ли татенька идетъ?»

И говоритъ Царь-Дѣвица:

«Дѣтушки! возьмите за ручки за бѣлыя, за перси злаченыя! и—вашъ кровный суцій батюшка идетъ!»

И принимала за ручки за бѣлыя Марья-Краса, Долга-Коса,—называла парѣченными мужемъ своимъ:

«По сѣмени своему, застѣнному, законный бракъ имѣть съ тобой хочу!»

И стали они пировать. Съ великою честью царь приглашаетъ его на пирь.— И всѣ свои побѣды Иванъ-царевичъ разсказалъ,—что случилось было надъ нимъ. И такожды просилъ благословленія, нерушимо во вѣки, отъ своего отца, принять законный бракъ съ Царь-Дѣвицей:

«Такожды мои мысли и силы хватали,—такожды я досталъ живой воды, и мертвой, и молодовыхъ яблоковъ,—чтобъ ты былъ, нашъ батюшка, аще моложе, и тебѣ дай Богъ многолѣтняго здравія!—И такъ прошу у тебя милосердія своего, отпустить меня въ подсолнечное царство съ Царь-Дѣвицей:—не вступаю въ свое государство»!..

И съѣхалъ въ подсолнечное царство;—и весьма хорошо живетъ, прокладно, и жалаетъ себѣ и дѣтямъ долговременный покой....

Колько слыхалъ—только сказалъ.

Сынно-Губскій погоста, въ За-Онежь.

Другой разсказъ.

Досюль было у отца да у матери три сына; и написавъ имъ отецъ и мать службу:—сѣздить въ подсолнечное царство, въ подсолнечное государство, къ Царь-Дѣвицѣ.

И поѣхалъ напередъ старшій сынъ.

И ѣхавъ—поѣхавъ—стоитъ по край дороги столонъ, и на немъ подпись:

«Вправо лорожка—съ дѣвкой спать на кровати; влѣво дорожка—самому живу не быть; а впередъ—долга, безконечна дорога»!

Думалъ—подумалъ: куда поѣхать?..

«И поѣду, съ дѣвкой спать, на кровать»!

И пріѣхалъ въ чистое поле: стоитъ палата бѣлокаменная.

И пріѣхалъ на своемъ добромъ конѣ къ палатѣ бѣлокаменной и привязалъ коня къ столбу точёному, къ кольцу золочёному.

Выходитъ красная дѣвица,—и насыпала коню ишени бѣло-яровой...

И приходитъ добрый молодецъ въ эту палату.—Красная дѣвица его накормила, напоила, и говоритъ ему:

«Ложись, добрый молодецъ, спать, на кровать»!

И взяла добраго молодца оханкой, бросила о постель, и онъ въ погребъ улетѣлъ!..

И ждали-пождали отецъ и мать—нѣтъ сына съ этой дороги!.. Стали стары и дремти, и назначили службу среднему сыну, сѣздить въ подсолнечное царство, по молодичныя ягоды, по живую воду.

И пріѣзжаетъ онъ ко столбу, и на немъ подпись:

«Вправо дорожка—съ дѣвкой спать на кровати; влѣво дорожка—самому живу не быть; а впередъ долга—безконечна дорога»:

Думалъ—подумалъ: куда поѣхать?..

«И поѣду, съ дѣвкой спать, на кровать»!